

«В бой иду коммунистом» Осипов Иван Агафонович 1912-1942 гг.
Сержант Командир минометного батальона

«Вот таким он был в жизни», — говорит Матрена Авдеевна Прохорова, показывая портрет в простой деревянной рамке, какие встречаешь в каждом доме, где живет вдова солдата. Снимок, сделанный армейским фотографом, сохранил, облик отца для детей погибшего фронтовика. В июне сорок первого они были слишком малы, чтоб запомнить его. Открытое волевое лицо. Светлые лучистые глаза. Таким был двадцатидвухлетний красноармеец Осипов, когда в 1934-36 годах проходил действительную службу в погранотряде города Кяхты.

Позже, увидев сына фронтовика, я убедилась в справедливости слов матери: «Володя как две капли воды похож на отца». Из семейного альбома с довоенными фотографиями, где вместе со свидетельствами о рождении внуков, пенсионной книжкой и удостоверениями к медалям за доблестный труд хранятся письма с фронта, неожиданно выпали две пожелтевшие вырезки из газеты — фотографии погибших космонавтов Волкова, Комарова и фотография четырех советских солдат, которых во время шторма унесло на барже в открытый океан. На мой вопросительный взгляд Матрена Авдеевна ответила: «Жалко ребят космонавтов. Такие соколы погибли. А за солдатиков кто тогда не переживал! Подумать только: 49 Дней в океане без пресной воды и пищи». На все-то хватает сердца» у солдатской вдовы.

Ее муж Иван Агафонович Осипов, довоенный секретарь Бичурского сельского Совета, родился в Новосибирской области. С младенчества остался без матери. Мать скончалась после родов. Воспитал мальчика дед Агафон. В благодарность ему взял позже внук отчество не отца, а деда. С будущей женой Иван Осипов познакомился в 1936 году в Улан-Удэ. В районе мелькомбината находились продовольственные склады, так называемая база № 168.

Сюда, в зерногородок, был направлен комендантом из Кяхты сержант Осипов. На пропускном и встретились новосибирский парень и синеглазая застенчивая, совсем юная Мотя Прохорова. Ей шел семнадцатый год. Поженились, и когда грянула война, у них было двое малолетних детей сын и дочь. Вскоре после ухода мужа на фронт, написала она ему письмо, что родился третий ребенок — сын Шура. Отслужив в 1936 году действительную, Иван с семьей переехал в Бичуру. Спокойный, уважительный и к тому же грамотный, он скоро стал своим человеком не только на Заводской улице, где жил (ныне улица имени Калинина), но и во всем селе. Его избирают депутатом и секретарем сельского ответа Бичуры. Председателем — тогда работал Иван Васильевич Михальченко.

Война. Страшной полосой перечеркнула июньская дата жизнь миллионов советских людей. Не обошла она и семью Ивана Осипова. В конце июля 1941 года в Бичуре была объявлена вторая мобилизация. «Я хорошо помню этот день, — вспоминает Матрена Авдеевна. — Уже доспевали хлеба, выколосилась пшеница, а они уходили на войну.

Провожали от двухэтажной, как тогда говорили, большой школы в центре Бичуры. Казалось, весело тут. Песня, и слезы, и гармонь. Помню и первый день войны. Все было буднично и страшно. Я тогда работала на птицеферме в колхозе «Красная

заря» (ныне колхоз, «Рассвет»), Там и жили семьи Радио, понятно, не было, ферма на Мухоре. Весной сорок первого меня отправили учиться на курсы районной, колхозной школы при райземотделе. Учили по птицеводству. 22 июня как раз заканчивались курсы. Вдруг в класс входит незнакомый человек. Это оказался корреспондент из газеты. «Встанем, товарищи! Немцы бомбят Минск. Война». После короткой переподготовки, на Востоке Иван Осипов направлен в действующую армию на Северо-Западный фронт. Это ближние и дальние подступы к Ленинграду. Здесь 10 месяцев защищал Родину командир минометного батальона Осипов. Отсюда летели в Бичуру его письма. Язык солдатских писем на первый взгляд сух и не эмоционален. Не имел солдат права на эмоции, как не имел права сообщать и о своем местонахождении. Но когда думаешь, какие события, факты, переживания, скрыты за скупыми строками писем, испытываешь наплыв поистине великих чувств. Первые письма домой Иван Осипов отправил летом 1941 года в дни, когда началась трехлетняя Ленинградская битва, Фашистский кованый сапог ступил на территорию Ленинградской области на 14-е сутки войны. 8 сентября сомкнулось кольцо блокады. Это день вошел в историю Великой Отечественной как первый день блокады.

Когда настанет последний 900-й день, под Ленинградом, в районе бывшей деревни Пискаревка, останется гигантское кладбище, уже - после войны отмеченное гранит - ними плитами. 26 гектаров братских могил. Ни пашен, ни парков — могил, где рядом покоятся жители осажденного города и красноармейцы, защищавшие его. Вся земля вокруг Ленинграда — сплошное поле схваток. Какое же здесь было великое противостояние, если к на каждом квадратном километре, фронта стояло 500 стволов орудий, а на каждом квадратном метре земли разорвалось 10 снарядов. Правду писал сержант Осипов: «Чтобы здесь остаться живым и невредимым, надо быть очень и очень счастливым».

Вокруг Ленинграда война оставила Малые Пискаревки. Велика ли деревня Володиха Лычковского района. Не на каждой карте ее найдешь. Но она обозначена на картах Великой Отечественной, здесь стояли насмерть. Здесь в братской могиле похоронил Ивана Осипова его однополчанин Алексей Ураков. Они были фронтовыми братьями, земляками. Оба сибиряки. Через 20 лет, в 1962 году, здесь же под Ленинградом служили повзрослевший сын погибшего фронтовика, рядовой Владимир Осипов. И не однажды стоял он с непокрытой головой у братских могил, не ведая тогда, что под одним из этих обелисков покоится его отец.

Первое из сохранившихся писем датировано 12 сентября 1941 года. В эти дни положение осажденного города было самым критическим. 6 сентября народный поэт Казахстана сложил вдохновенную песнь «Ленинградцы, дети мои», отпечатанную как фронтовую листовку. 11 сентября произведен первый учет всего продовольствия осажденного города. По точнейшим подсчетам его должно хватить на 35 дней. В эти дни командир минометного батальона - Осипов пишет домой письмо, в котором шлет свои отцовские наставления семье, тоскует о детях, поддерживает словом жену, на которую, как и на всех женщин, легло тяжелое бремя войны.

«Бичурский хлеброб»

«12 сентября 1941 года.

Добрый день, многоуважаемая жена Мотя, дочка Галечка, сыночек Володя.

Шлю я вам свой пламенный боевой привет и желаю успехов в вашей жизни. 3 сентября получил ваше письмо. И каждый час в свободную минуту читаю его. Жаль только, что очень мало написали. Конечно, дорогая Мотя, вам сейчас трудно. Я прекрасно понимаю твое положение. Но не одна ты маешься. Всем бабам работы хватает. Родину защищать надо, жаль сынка Володю, Галю. Я нахожусь так далеко от вас.

До свидания. Остаюсь жив и здоров. Любящий вас отец и муж И. Осипов»

Потом писем долго не было. Зима 1941-42 года самое страшное время для ленинградцев. Горожане забыли, что на свете есть хлеб, крупа, картофель, сахар. Сейчас невозможно сказать, был ли И. Осипов в самом Ленинграде, но без сомнения, защитники города хорошо знали о тяжелых испытаниях горожан, о зверствах фашистов, о голодной смерти. Не потому ли в каждом письме домой тревожный вопрос: «Как живете с хлебом? Хватит ли хлеба до нового?»

Посетовала как-то жена, что обносились они с детьми до крайности. Нет в доме лоскутка, чтобы сшить пятилетней Гале платьишко. И вот уже шлет свой первый аттестат — 72 рубля - младший командир Осипов. «Купи что-нибудь себе и детям». А она уже купила три стула в магазине на платье. Соседка Васеня Михальченко надоумила: Стулья-то обшитые товаром. Снимешь и какое-никакое платье дочке слепишь. «Слепила» из этой драпировочной ткани платье дочери».

«1 февраля 1942 года.

Получил ваше письмо, из которого узнал о вашей жизни и работе. И что хлеба на зиму хватит. А летом сумеешь прожить. Говоришь, что 3 ц немолоного да может еще получишь. Вот хлеб и будет. Если свиной держишь, одну зарежь и кушай мясо, а другую оставь, корми до меня.

Мотя, тебе, наверно, носить нечего. Как-нибудь месяц живи, я тебе вышлю денег, что-нибудь купи себе. Ты пишешь, что жить очень тяжело. Я ничем не могу помочь вам. Такая опасность нависла над нашей страной, 196 млн. советских людей переносят все, живут под лозунгом: «Все для фронта!» Товарищ Сталин сказал: «Жить или умереть». Но мы перво – наперво схороним Гитлера, а сами еще поживем»?

Матрена Авдеевна по-прежнему работала на ферме. В одном лице и заведующая, и птичница, и завхоз, и сторож. Дали, правда, подсобницу, 13-летнюю девчонку. С утра чуть не каждый день в лес: дрова на зиму готовив И корм добывала птице. Уборочная подойдет — с поля и с тока уходила последней. Мякина, отсевки, картошка—все надо было успеть заготовить. Забывалась в коротком, как обморок, сне, и с утра снова работа. Благо, молодая была, 22 года. Сил на все хватало. Вечерами при свете керосиновой лампы перечитывала письма от мужа, поправляла на спящих детях одежонку и молила: «Только бы не убили. Только бы пришел живой». Зная, как он тоскует по семье, выслала фотокарточку детей, ее фотографию он взял с собой из дома.

«3 августа 1942 года.

Сообщаю вам о своей службе. Служба моя пока идет ничего. Здоровье хорошее.

Что будет дальше, пока неизвестно. Мотя, как посмотрю на вашу фотокарточку, душа болит, а сынка и дочку каждый день целую. Мотя, сфотографируйте еще раз их и сама сфотографируйся и пришли мне. Я же о своем будущем ничего пока не знаю, не знаю, что будет завтра и даже сегодня вечером.

Жизнь здесь секундная, но духом мы не падаем. Конечно, на войне без потерь не обходится, и хоть никому неохота погибать, но сама понимаешь, такие случаи бывают. Чтобы тут остаться живым, и невредимым, надо быть очень и очень счастливым. Самое основное, а ты береги себя и детей, а обо мне не беспокойся. Я очень об вас, соскучился, а сегодня видел тебя, во сне, будто хорошей девахой стоял под черемухой, а ты увидела...».

Он писал домой бодрые, оптимистические письма. Но рядом с любовью к семье и Родине жила в его сердце жажда мщения и святая ненависть к врагу. Зимой сорок первого, когда стабилизировался фронт, среди защитников Ленинграда родилось снайперское движение — идея уничтожения гитлеровцев снайперским огнем. Тогда открыл свой лицевой счет Иван Осипов.

«8 августа 1942 года.

Дорогая Мотечка в 1942 году кончится, и мы с победой придем к вам, конечно, тот, кто будет жив. Как-то так закипело сердце от всего, что видим мы здесь, а успокоить его нечем. Пришел на передний край обороны, взял винтовку и уничтожил двух фрицев. Пишите письма чаще.

Хоть бы прийти к вам на один денек и потом опять на фронт.

Он еще не знал, что дома случилась беда: умер от воспаления легких младший сын Шура».

«15 августа 1942 года.

Шлю горячий привет и пожелание дожждаться меня домой. 12.7.42 получил вашу открытку. Сообщаете, что умер сынок Шура. Очень жаль его. Я так радовался, что у меня два сына, а теперь один.

Береги детей, Мотя. Прошу вас, кушайте получше. Домой скоро меня не дождетесь, а буду жив, приду не раньше, чем к маю 1943 года».

Он все время был на передовой: в окопе, в траншее, в землянке. Видел врага лицо в лицо.

В эти августовские дни Иван Осипов вступил в партию. Он знал коммунисты были душой и совестью героической обороны невской твердыни. Коммунисты шли впереди. Он хотел быть среди них.

«15 августа 1942 года.

Мотя, я вступаю в партию. На днях уничтожил четырех фрицев и думаю дальше сражаться коммунистам. Погибну, но в плен не сдамся».

«Бичурский хлебоборб» 4 августа 1987 года

Солдаты-сибиряки насмерть стояли у ворот города Ленина, а трудящиеся Бурятии уже приняли первые эшелоны с эвакуированными детьми, женщинами. Я хорошо помню, в войну в соседнем с нами доме жила семья из блокадного Ленинграда Ольга Петровна Шиккер, и ее дочь Ира. С Ирой мы играли на улице нашего детства.

Много лет спустя, разыскав Ольгу Петровну, я уже взрослая, с волнением слушала рассказ старой ленинградки о том, как приютила ее Бурятия, как обрела она здесь верных друзей. «В те годы, — вспоминала Ольга Петровна, — во многих бурятских семьях можно было увидеть белокурые головки усыновленных и удочеренных детей. Чужой беды в войну не было».

В архиве сохранилось письмо трудящихся Бичурского аймака И. В. Сталину, в котором они сообщали, что сдали в подарок бойцам Красной Армии и трудящимся города Ленина продуктов питания на сумму 854 тыс. рублей, а также 100 голов крупного рогатого скота, 910 овец и коз, 342 свиньи, 2277 кг шерсти, 2000 овчин, 391 пару валенок, 1613 пар теплых рукавиц.

«10 сентября 1942 года.

Сижу поздно вечером, с фонариком, в своем окопе и вам задумал написать письмо. А когда один сидишь и мечтаешь о будущем и вспоминаешь прошлое, сердце кипит. 6 сентября я получил ваше письмо, такое долгожданное. Благодарю вас. Вы пишете, что очень обо мне печалитесь. А что печалиться? Руки вы под меня не подставите. Ты пишешь, что деньги, мол, самому тут нужны. Нет, они здесь совсем не нужны. Не до денег тут. Даже если валялось золото, и то не надо было бы. Здесь столько другой заботы. К тому же очень скучаю о ребяташках.

Дорогая жена, теперь я член партии, получил партийный билет. Передайте жене моего земляка Федорова с Большой улицы, что ее муж здоров. Он со мной в одной роте. Я только все время на передовой, а он находится в тылу, чинит сапоги, косит сено, в общем, в хоззвезде. Обо мне не печальтесь. Я пока жив и здоров. Часто вспоминаю старое довоенное время».

«30 сёнтября 1942 года.

Письма от вас получаю очень редко. 30 сёнтября получил 2 открытки. Не знаю, как вы живете. Пишете мало.

Сына и дочь я никогда не забуду, где бы ни был, в каких бы условиях ни находился. Они у меня день и ночь не сходят с ума. Все думаю о них и о вас, дорогая Мотя. Пока человек живой, он думает о живом. Как живешь с хлебом? Сколько накопила картошки? Косили ли огород?

Я служу здесь уже 7 месяцев, Проливаем кровь и защищаем свой народ. Честь и слава будет нам после Победы.

До свидания.

С горячей любовью к Вам и детям

И. Осипов».

«1 ноября 1942 года накануне боя Иван Агафонович выкроил свободную минуту, чтобы написать на листочке бумаги такие привычные и дорогие слова.

«Добрый день, многоуважаемая жена Мотя, дочь Галечка, сын Володя». Он не

знал, что это последний привет семье, письмо Я вещание. XI ноября 1942 года. Сообщаю о своей жизни. Жизнь проходит по-прежнему, но каждый час она может оборваться. Через семь дней великий праздник Октября, но нам придется праздновать его в трудной обстановке. Ничего не поделаешь. Будет день нашего счастливого свидания. Может, кто сейчас и веселится, но мы проливаем кровь за честь кашей Родины. С песнями умирают наши товарищи.

Дорогая Мотя, как подготовила на зиму хлеба? За семь месяцев я послал вам семь переводов по аттестату. Скоро пошлю восьмой. Как растут наши детки, как мой любимый сыночек? Большой стал? А дочь Галя, наверно, уж книжку просит в школу? Мотя, знала бы ты, как болит сердце и как много я здесь думаю. Пиши, как проведешь праздник.

До свидания. Остаюсь жив и здоров. Желаю и вам быть здоровыми.

Целую вас, Мотя, и деток».

Матрена Авдеевна получила еще одно письмо, подписанное на конверте знакомым почерком мужа. Жак всегда, радостно дрогнет сердце: Жив! Не раздеваясь, как была в телогрейке сядет на лавку, разорвет конверт. Остальное она помнит смутно. И только прочитав 2 или 3 раза письмо, написанное чужим незнакомым почерком, осознает всю неотвратимость постигшего ее и детей горя.

«3 ноября 1942 года.

Здравствуйте, Матрена Авдеевна, супруга моего друга Осипова Ивана Агафонича. Я служил вместе с вашим любимым Ваней и вместе мы дрались с немецкими оккупантами,

Я должен сообщить Вам, что Ваш муж Ваня погиб, храбро защищая нашу Родину. 3 ноября 1942 года его сразил осколок вражеского снаряда. Мы, как друзья, перед боем договорились: если кто из нас погибнет, то другой сообщит об этом родным. Этот конверт взял у него, адрес был написан им самим.

Вот почему я написал вам это письмо.

Остаюсь пока жив и здоров. Писал друг Вани Ураков Алексей Петрович. Адрес тот же»

«Я не поверила. Не может быть! Да и извещения не было, — вспоминает Матрена Авдеевна, — Тут какая-то ошибка. Пишу Алексею Петровичу: «Может ты что перепутал. Может, он ранен и в госпиталь попал». «Нет, — отвечает он. Не жди и не ищи. Я сам его поднял с поля боя и похоронил у деревни Володиха Ленинградской области. Прости». Вскоре пришло извещение. Все совпало. И место гибели деревня Володиха Лычковского района. Писала в Подольск военный архив Министерства обороны. И оттуда подтвердили, что Иван Осипов «пал смертью храбрых в боях за социалистическую Родину».

Окончилась война. Выросли Галина Ивановна и Владимир Иванович Осиповы, о которых с волнением и нежностью спрашивал отец в каждом письме с фронта. Открытые лица, светлые лучистые глаза унаследовали не только дети — внуки и правнуки погибшего фронтовика. Жизнь солдата И. А. Осипова — не оборванная струна. Жизнь продолжается.

Н.Коробенкова

селькор